

Глава 5. Общие характеристики и функции исламизма

Попробуем рассмотреть исламизм в разных аспектах, что вполне оправданно, учитывая его многогранность, а также то, что исламизм имеет много измерений (Osman 2016: xviii). В настоящей главе мы представляем собственное видение причин и оснований для широкой и глубокой интегрированности исламизма в мусульманские общества, а также его достаточно широкого функционала. Мы представим наши взгляды на этот вопрос в собственной систематизации. Отметим, что на ряд функций обращается недостаточное внимание (см. об этом, в частности: Yapp 2004), а иногда это и вовсе не рассматривается исследователями, что искажает понимание исламизма.

5.1. Массовость, понятность, полезность исламизма

Исламизм – это массовое и разветвленное движение. Сейчас мы выскажем общие идеи о функциях исламизма и основаниях его соответствия мусульманским обществам, а далее эти идеи будут развернуты в той или иной мере. Исламисты действуют во многих, если не почти во всех социальных группах. При этом важно, что среди них немало представителей из низовых слоев общества и еще больше – сочувствующих. В этом во многом заключается их сила. Хотя сами организации и могут быть многочисленными, их количественный состав, естественно, ограничивается определенными требованиями к членам, тем более если организация действует в подполье или полуподполье. Но число сочувствующих очень велико. Особенно, повторим, в бедных слоях, но также и в низшей страте среднего класса (см.: Osman 2016). Исламисты активно проникают в бизнес, образование, даже в низшие муниципальные органы, организуют медицинскую помощь, посредничают в доставке денег семьям мигрантов и т. п. Таким образом, исламизм не только духовно, но и функционально пронизывает социальную ткань общества. Поэтому даже при сильном светском государстве, запрете исламизма и репрессиях против активистов его крайне сложно вытеснить из общества. Исламизм также опирается на представления,

которые понятны абсолютному большинству людей, независимо от уровня их образования, а именно религиозно-культурные и религиозно-политические. В этом еще одно его преимущество перед другими политическими течениями. Будучи низовым движением, исламизм также чаще всего является движением оппозиционным. И в этом, как мы увидим ниже, также может заключаться его сила. Поскольку власти и элиту всегда есть за что критиковать, обличение их со стороны исламистов понятно, близко массам, сама критика им импонирует. Не стоит забывать и об историческом эгалитаризме и даже демократизме ислама в том отношении, что в нем не было иерархии духовенства. Именно на этой основе возможен исламизм как широкое течение, базирующееся в значительной мере на народных активистах, а не только и не столько на высокоинтеллектуальных личностях.

Исламизм и самоорганизация исламского общества на определенном уровне. Однако исламизм – не только массовое движение, это еще и форма самоорганизации населения как локально, так и – через ячейки организаций – более широкого (вплоть до панисламского) уровня. Американский исследователь Грэм Фуллер считает, что «исламизм есть не идеология, но религиозный, культурно-политический каркас для того, чтобы заниматься делами, которые в первую очередь беспокоят мусульман в политическом аспекте» (Fuller 2004: 193). Но, возможно, особенно важна самоорганизация на локальном уровне, с учетом того что мечеть – исключительно удобный способ для обсуждения вопросов и распределения благ, а также и для организации протестов, что доказали события Арабской весны.

Исламизм в Египте и в ряде других стран, хотя далеко не сразу, оформился в виде течения, которое можно охарактеризовать как самоорганизацию общества снизу для улучшения жизни, религиозного образования, взаимопомощи и пропаганды положений ислама. Первоначально это было скорее просветительское и миссионерское общество, нечто вроде христианских средневековых монашеских орденов, когда движение за обновление веры и церкви шло снизу. Но вследствие участия в политической жизни, а потом после революции 1952 г. и гонений движение «Братьев-мусульман» стало политическим и оппозиционным. Распространение «Братьев-мусульман» в различных странах способствовало распространению и модели самоорганизации в разных частях исламского мира (см. ниже,

например, о Судане). Но нужно понимать, что успехи самоорганизации исламистов вполне естественно вытекают из природы самого ислама, опоры его на общины верующих разного уровня, от местной до исламской уммы.

Такая самоорганизация позволяла аккумулировать определенные средства, собирать пожертвования и т. п. Сегодня это весьма крупные средства, «Братья-мусульмане» стали едва ли не самой богатой исламской организацией (см.: Osman 2016: 26). Этому способствует широкая сеть посредничества в переводах денег, денежной помощи и других финансовых операций с участием миллионов мигрантов, работающих в странах Залива, так называемая система *хавала* (*Ibid.*: 23–24), прямое или косвенное участие в бизнесе, пожертвования и т. п. Это позволяет создавать систему госпиталей, школ, строить мечети и совершать множество других действий, которые, с одной стороны, становятся крайне необходимыми для жизни масс людей, а с другой – не могут не вызывать одобрение и не повышать авторитет исламистских организаций (заметим, однако, что после контрреволюции 2013 г. ассоциация «Братьев-мусульман» в Египте была запрещена).

Самоорганизация снизу позволяла реализовывать ряд функций, важных для населения и самовыражения низов общества, в том числе давала возможность проявить себя значительному количеству людей. В противоположность властям, которые, как правило, не замечают простых людей, в этой организации человек и его дела могли быть в центре внимания. Кроме того, стоит упомянуть и созданные снизу своего рода комитеты по поддержанию нравственности, которые контролируют поведение и мораль мусульман. Как справедливо подчеркивал С. Хантингтон, в сущности, исламистские группы создали исламское «гражданское общество», которое дублировало, превосходило и часто заменяло собой деятельность зачастую слабых институтов светского гражданского общества (Huntington 1996: 111–112; см. также: Woltering 2002: 1140 и др.; Berman 2003: 260; Ismail 2006: 100).

Исламские организации сосредоточили внимание на жизни сельских и общинных жителей во многих регионах Египта, особенно в самых бедных районах, а также представителей, говоря социологическим языком, так называемых групп риска. К тому же частные, массовые и добровольные организации под управлением исламистов стали важными проводниками социальных благ, обычно

исходящих от государства. Как выразился один активист, «мы оказываем людям услуги, которые они не в состоянии себе позволить, или когда государственных услуг нет совсем» (Ismail 2006: 100).

В Египте к началу девяностых исламские группы создали широкую сеть организаций, которые, заполняя вакуум, оставленный правительством, предоставляли социальную и медицинскую помощь, услуги в образовании и других областях для огромного количества египетской бедноты. После каирского землетрясения 1992 г. эти организации «вышли на улицы в течение нескольких часов и раздавали еду и одеяла, в то время как правительственная помощь запаздывала». В Иордании Мусульманское братство сознательно следовало политике создания социальной и культурной «инфраструктуры исламской республики», и к началу девяностых в этой небольшой стране с четырехмиллионным населением работала крупная больница, двадцать клиник, сорок исламских школ и 120 центров по изучению Корана. По соседству, на Западном берегу и в Газе, исламские организации организовали и патронировали студенческие союзы, молодежные организации, а также религиозные, общественные и образовательные ассоциации, в том числе образовательные учреждения от детских садов до исламского университета, клиники, приюты, дома престарелых, систему исламских судей и арбитров. В этих и других мусульманских странах исламские организации, отстраненные от политической деятельности, предоставляли социальное обеспечение на том же уровне, что и политическая машина в Соединенных Штатах в начале двадцатого века (Хантингтон 2003).

В целом масштаб деятельности исламистских организаций огромен. По подсчетам Александра Игнатенко, в середине 2000-х гг. в мире действовали более 500 исламистских НПО, то есть неправительственных организаций (Игнатенко 2009: 181).

Полезно заметить, что в случае ослабления государственности потенции самоорганизации в исламизме могут проявиться весьма заметно. Так, например, спустя всего 3–4 года после распада Советского Союза на фоне слабующих позиций органов власти стали проявляться и актуализироваться традиционные институты самоорганизации общества, среди которых религиозный оказался одним из самых сильных. И в результате на Северном Кавказе появились джихадистские группировки (Саватеев и др. 2017: 562; Кисриев 2017). Самоорганизация была налицо и на территориях, где больше не действовали государственные органы Ирака и Сирии.

5.2. Социально-политические функции исламизма

Исламизм многолик не только в концептуально-практическом плане: умеренности и радикализма, оттенков догматизма, масштабов приложения (в рамках страны, исламского мира или всей планеты), способности к адаптации современных веяний и самосохранения, стремления к политической власти или довольствования властью авторитета, а также многого другого. Исламизм (и об этом мало говорят) очень многолик в плане своего функционала и способности заменить другие институты (включая и государственные, как уже сказано выше). Этой многоликости исламизма способствует *неопределенность главных, фундаментальных положений ислама*. Неудивительно, что среди разных исламистов можно найти совершенно разное понимание того, что собой представляют законы ислама. Это также объясняет гибкость и приспособляемость исламизма. В итоге очень многое может быть как одобрено, объяснено Кораном и священным преданием, так и запрещено, осуждено¹. Это, по сути, адаптирует ислам к ситуации, не запрещая многое из того, что сегодня имеет место (особенно образование, использование современных технологий, контактов и т. п.). В случае закрепления каких-либо явлений (например, участия женщин в политике) объявляют, что ислам всегда поддерживал это (либо, напротив, всегда боролся с тем, что осуждается в современной жизни²); таким образом, запрещенное в случае необходимости может быть разрешено и т. п. Следовательно, исламизм, являясь политизированной формой религии, может склоняться в зависимости от обстоятельств либо к прагматизму, либо к фундаментализму, что делает возможности его приспособления к изменениям весьма высокими.

Впрочем, гибкость и приспособляемость характерны и для других универсальных и тоталитарных идеологий: например, хотя марксизм прямо говорит о том, что частная собственность – это зло и она должна быть отменена, социал-демократы и даже китайские

¹ Как, например, пишет Клиффорд Гирц (Geertz 1971: 15), «в Индонезии, а также в Марокко все более характерным становится противоречие между тем, что написано в откровениях Корана, то есть тем, что суннитская (то есть ортодоксальная) традиция считает откровением, и тем, во что люди, называющие себя мусульманами, фактически верят».

² Например, с рабством. Напомним, что Насреддин-шах (1831–1896), проведший значимые реформы в Персии, отменил работорговлю в Персидском заливе только под мощным давлением англичан. Шах отказывался сделать это, мотивируя тем, что Кораном рабство не запрещено, и нет закона выше.

коммунисты вполне допускают частную собственность и признают ее исключительную важность. Национал-социализм в Германии признавал арийцев высшей расой, но при этом оказывал уважение азиатам-японцам как своим союзникам.

Исламизм – это форма объединения общества в мусульманском мире, форма единой культуры. Ислам – мировая религия, которая ставит на первое место не этничность и не принадлежность к конкретному государству, а принадлежность к мусульманской общине (умме). В исламизме (особенно радикальном) одно из главных положений – превосходство ислама над другими религиями и вера в его будущую победу во всем мире. Даже те, кто рассматривает это положение как абсолютно далекое от исполнения, тем не менее обязаны его учитывать. Таким образом, исламизм становится идеологией, которая потенциально способна объединить сотни миллионов человек в десятках стран. В определенной мере это произошло, но на пути к реальному объединению стоит много неразрешимых сложностей, так как, во-первых, исламисты расколоты и враждуют друг с другом, во-вторых, идет постоянная борьба между исламизмом и светским направлением развития. Большое количество организаций исламистов одновременно свидетельствует и о силе исламизма, и о его раздробленности. Но так или иначе, исламизм интернационален, что позволяет крупным исламистским движениям, таким как «Братья-мусульмане», открывать отделения во многих странах, иметь свою сеть во многих местах, влиять на жителей разных обществ.

Исламизм – особый способ модернизации. Его нередко трактуют как реакцию на охватившие мир глобализацию и модернизацию, а в отдельных случаях – как поиск особого пути исламских обществ в плане модернизации и глобализации. Это одна из причин, почему феномен реисламизации охватил страны и традиционного, и нового ислама (Васильев 2017: 44). В этом последнем смысле исламизм позволяет развиваться и адаптировать достижения Запада, не теряя собственной идентичности. Разумеется, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет. Примером может служить Иран, где развитие идет под идейным руководством политизированного духовенства, правда, там существует исламизм особого типа. В Иране в известной мере произошло отделение идеологии от непосредственного политического

функционирования, то есть имеются своего рода идеологические контролеры, а также политические функционеры самого высшего уровня. Это позволяет стране достаточно неплохо развиваться в общечеловеческом направлении. Возможно, это результат победившего исламизма, который должен был приспособиться к своему положению правящей идеологии (примерно так же, как это произошло с победившим коммунизмом в СССР и других странах). Второй момент – исламизм в Иране шиитского толка, соответственно, имеется практически знак равенства между национализмом и исламизмом, что усиливается довольно крепкими корнями государственности. В то же время в противоположность иранскому арабский национализм означает принадлежность не к какому-то государству, а к арабскому суперэтносу.

Выше мы рассматривали функции исламизма в макромасштабе (всей исламской общины, всего исламского мира). Но исламизм, как уже было сказано, является многоуровневой идеологией. Соответственно, его функции можно проследить и на уровне отдельного государства.

Функция политической оппозиции. Уже упоминалось, что в целом ряде стран исламизм – это оппозиционное движение, которое, даже находясь в подполье, не дает автократическим режимам забыть о том, что оппозиция существует, может оказать сопротивление, а при честных выборах – прийти к власти. Таким образом, наличие исламистов сдерживает авторитаризм.

Контролирующая функция исламизма. Исламизм способен влиять тем или иным образом на власть и элиту, заставляя ее делать определенные вещи. Исламисты стоят во главе организации борьбы за выполнение конкретных требований и т. п. Следовательно, с этой точки зрения исламизм – определенный контроль общества над властью и институтами общества. Он помогает также донести свой протест в мире несправедливости до тех, кто его может услышать. Поскольку исламизм, как уже было сказано, выполняет функцию эффективной оппозиции правительству, он, по-видимому, еще дает возможность фрондировать перед властью, а также соединять воедино разрозненные группы оппозиционирующих и фрондирующих представителей свободных профессий и интеллектуалов (нечто вроде масонских лож). Например, к концу 1990-х гг. египетские «Братья» составляли большинство в руководящем со-

стае профсоюзов адвокатов, врачей, инженеров, университетских преподавателей и т. д. (Ахмедов 2009: 150).

Борьба за нравственность. Напомним, что исламисты весьма активно выступают в роли добровольной полиции нравов даже в некоторых из тех стран, где у власти не находятся. К их заслугам можно отнести, в частности, искоренение проституции во многих исламских странах, что способствовало уменьшению распространения в них СПИДа (см., например: Коротаев, Шишкина, Исаев 2014; Shishkina *et al.* 2014); борьбу против торговли спиртным. Как мы уже говорили, исламисты поддерживают и семейные ценности, порой осуществляют контроль за порядком в определенных районах и на определенном уровне.

Как всякая провиденциалистская идеология, исламизм выполняет **компенсаторную функцию**, придавая жизни многих людей смысл и наполняя ее идеалами. Исламизм как объединяет общества внутри него, так и настраивает их против внешнего мира, формируя образ врага, с которым надо бороться: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

В области социальной жизни функции исламизма также многообразны. Выше мы уже говорили о некоторых из них: взаимопомощь, своего рода социальное страхование, самоорганизация, аккумуляция пожертвований на нужные дела и т. п.

Из прочих стоит упомянуть **функцию социальной мобильности**. Исламизм выступает как мощный институт, который предоставляет возможность социального лифта для многих людей. Соответственно, это дает значительные перспективы проявить себя тем, для кого обычные пути достижения карьерного роста, успеха в бизнесе и прочего связаны с рядом трудностей. Исламизм – массовое и низовое движение для рядовых людей, дающее им множество возможностей развить свои способности, заслужить авторитет, сделать карьеру и т. д. (в то время как сложившаяся социально-экономическая и политическая система не дает им шанса достичь каких-то значимых успехов).

Исламизм как расширение участия людей в религиозных толкованиях и проповедовании. Кроме того, произошедшая своеобразная исламская реформация расширила возможности для религиозных людей толковать священные тексты, писать и выступать на эту тему и тем самым делать свою духовную карьеру. Таким образом, толкование священных текстов, проповедование в

разных видах благодаря исламизму выходит далеко за рамки традиционного исламского религиозного обычая. Фактически «кадровое» духовенство теряет известную долю своей популярности, будучи вынужденным уступить ее неофициальным исламистским духовным лидерам³. Уже десятилетия назад в связи с подъемом Исламского возрождения появлялись печатные толкования Корана, которые совершенно не соответствовали «ортодоксальному» пониманию (см.: Степанов 1981: 183). А богословы сетовали на то, что люди не обращаются к ним за фетвами, но «с фетвами выступает каждый, у кого появляется для этого случай» (см.: Там же). Наблюдается ситуация, когда традиционное духовенство остается в рамках чисто религиозной деятельности, а исламизм демонстрирует (вместе с салафитством и другими ортодоксальными направлениями) жажду миссионерства и воплощения догматов ислама на практике. Таким образом, уменьшение значения традиционного ислама и исламского духовенства компенсируется тем, что ислам все более начинают толковать все равнодушные к нему люди, то есть идет понимание данной религии через личное восприятие, как это бывает при реформации. Не исключено, что такое расхождение между служителями ислама и исламистами в суннитских обществах (в Иране дело обстоит по-другому) связано с тем, что большинство среди суннитского духовенства является неотъемлемой частью государственного аппарата⁴, тогда как исламисты находятся к государству в оппозиции. Оппозиционным власти в определенных периоды становится народный ислам, а не мусульманский «истеблишмент» (Васильев 2017: 42)⁵. Действительно, официальная

³ Поэтому в ряде случаев молодежь предпочитает получить светское образование, а поступающих в духовные учебные заведения не хватает, в результате образуется дефицит священнослужителей, например, в Египте. Во всяком случае, так было в 1970-е гг., когда, по свидетельству газеты «Аль-Ахрам», каждый год сокращался прием в религиозные институты. В этой же газете сетовали, что молодежь «только тогда стучится в двери факультета основ религии, когда перед ней закрываются двери всех прочих факультетов». В данной статье также отмечается, что само мусульманское духовенство «больше, чем кто-либо другой, стремится не посылать своих сыновей на учебу в религиозные институты» (Степанов 1981: 185, 186).

⁴ Соответственно, и сделать себе карьеру там непросто.

⁵ Здесь немаловажно отметить, что и первая иранская революция (1905–1911 гг.) также имела очень сильную религиозную окраску, и в ней ведущую роль, особенно на начальном этапе, играло духовенство (Дорошенко 1998: 8–9). Народ, будучи невежественным, фанатично верующим и связанным религиозными тра-

религия как доминирующая мировоззренческая норма ориентирована на сохранение существующего порядка вещей и уже только поэтому не может быть идеологией политической оппозиции. Поэтому идейной основой подавляющего большинства радикальных мусульманских движений и групп выступает преимущественно исламизм в консервативной версии реформаторско-салафитского фундаментализма (Левин 2014).

5.3. Социальная база исламизма

Здесь прежде всего стоит отметить, что исследований социальной базы, социальных корней и условий, способствующих укреплению исламизма, недостаточно. Малкольм Япп в своем обширном обзоре несколько раз указывал на отсутствие должного внимания к социальному происхождению исламистов в целом и джихадистов в частности (Yapp 2004: 180). Как уже было сказано, исламизм распространился почти во всех слоях общества, включая интеллигенцию (в том числе врачей, адвокатов, инженеров, ученых, учителей и государственных служащих), бизнесменов и политиков. Однако наиболее массовую опору составляют в основном сочувствующая им молодежь из маргинальных слоев городского населения, лица, занятые в неформальном секторе экономики (весьма крупном в исламских странах) и сфере услуг, в том числе мигранты из сельской местности в города (Левин 2014: 20). Поскольку эти люди с трудом могут интегрироваться в городскую среду, они нередко становятся маргиналами, поэтому легче поддаются пропаганде со стороны

дициями, послушно следовал не столько за «либералами», сколько за своими духовными вождями. И когда шиитское духовенство отвернулось от революции, повиновавшаяся толпа пошла за ним. Е. А. Дорошенко также приводит мнение других иранологов (см., например: Агаев 1981: 50), согласно которому участие верхушки духовенства в руководстве революционным движением было связано с соперничеством со светской властью в области образования, права, влияния на народ, с тем, что она была заинтересована в ослаблении светской власти и сохранении своего влияния на государственную политику (Там же: 13–15). А отход улемов и мулл от революции произошел тогда, когда для них стал проясняться ее «антиисламский потенциал» (см., например: Keddie 1980: 6; Дорошенко 1998: 17). По мнению других исследователей (см., например: Algar 1969: 252), революция 1905–1911 гг. была «прямым столкновением» двух идеологий, ислама и западного модернизма (Дорошенко 1998: 18). То же самое можно сказать и о революции 1978–1979 гг. С учетом этого иранские революции, особенно в совокупности, действительно представляют собой уникальные явления и в известном смысле не имеют аналогов в истории (Там же: 8).

агитаторов-исламистов (о положении мигрантов в условиях урбанизации и их влиянии на нестабильность см.: Kepel 2000; Гринин, Коротаев 2009б; 2018; Гринин, Коротаев, Малков 2010; Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев, Гринин и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Korotayev, Zinkina, Kobzeva *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; Grinin *et al.* 2018).

С. Хантингтон (2003: 168) также считает мигрантов из сельской местности в города одним из трех основных источников пополнения рядов исламистов (два других – студенчество и средний слой сельчан). Он напоминает, что во всем исламском мире в 1970-е и 1980-е гг. городское население росло невиданными темпами. Скученные в обветшалых и зачастую примитивных районах трущоб, городские мигранты получали социальную помощь, предоставляемую исламистскими организациями. Помимо этого, как заметил Эрнест Геллнер, ислам предлагал «достойную идентичность» этим «недавно покинувшим насиженные места массам». В Стамбуле и Анкаре, Каире и Асьюте, Алжире и Фесе, Кано и Зарии, а также в секторе Газа исламистские партии успешно организовывали и привлекали на свою сторону «угнетенных и выселенных».

Нельзя не упомянуть мигрантов из более бедных стран в богатые государства Залива. Число мигрантов быстро росло. Если в 1975 г. в странах Персидского залива трудилось около 1,2 млн рабочих-иммигрантов, то к 1985 г. их было около 5,15 млн (Addleton 1991), причем свыше 72 % из них являлись выходцами из арабского региона (Стоклицкий и др. 1985: 29).

Важную социальную опору исламизма также составляют представители нижнего среднего класса (сельских жителей и горожан, в том числе мелких предпринимателей)⁶. В то же время эти движения не пользуются особой поддержкой аграрной элиты (Huntington 1996). Огромную роль как среди поддерживающих исламизм, так и среди его функционеров играют молодые люди. Удивляться не приходится, поскольку уже в 1975 г. в мусульманских странах 60 % жителей составляли дети и молодежь до 24 лет (Кепель 2004:

⁶ С. Хантингтон (2003: 167) говорит о так называемых «традиционных» группах среднего класса, то есть купцах, торговцах и мелких предпринимателях, *bazaaris*. Они сыграли решающую роль в иранской революции и обеспечили существенную поддержку фундаменталистским движениям в Алжире, Турции и Индонезии. Однако гораздо большая их часть принадлежит к более современным секторам среднего класса.

67; см. также: UN Population Division 2018). Показательно, например, что из 290 арестованных членов египетской экстремистской организации «Аль-Джихад»⁷ 70 % составляли молодые люди от 21 до 30 лет, выходцы из низшей страты среднего класса (43,9 % из них были студентами, 14 % – рабочими, 12,1 % – представителями свободных профессий и 10,7 % – безработными) (Ismail 2006: 119). Среди идеологов исламистов много представителей интеллигенции, получивших современное высшее образование; подчас это люди с учеными степенями. Есть среди них, разумеется, и идеалисты, считающие возможным построение на земле «государства ислама». Что касается руководителей и активных деятелей, то среди них немало тех, кто имеет поверхностное представление об исламе, зато обладает хорошими организаторскими и практическими навыками, а также способен достигать поставленных целей. Это большей частью прагматики из среды образованной городской молодежи 20–30 лет, в основном представители средних слоев, недовольных коррупцией и nepotизмом, вопиющим социальным неравенством (Левин 2014: 19–20; Yapp 2004: 181).

Таким образом, в целом молодежь как из образованных (студенчества и интеллигенции), так и из необразованных слоев является серьезной, порой важнейшей опорой исламистов. Роберт Уолтеринг (Woltering 2002: 1136) пишет: «...изучая многочисленные исследования исламизма, наталкиваешься на факт, что большинство сторонников исламистской идеологии – молодые люди, многие из которых имеют хорошее образование» (в подтверждение он приводит ссылки на: Fargues 1993: 1–20; Sidahmed 1997; Levtzion, Rouwels 2000). Он также добавляет, что доминирование молодежи в этих группах исламистов является не просто важным моментом, но и их отличительной чертой. Добавим, и участники, и руководители – молодые люди (Yapp 2004: 180), что делает группы, возможно, более сплоченными и позволяет их членам легче понимать друг друга. И в этом отношении (возрастном) радикальные исламистские группы не особенно отличаются от радикалов в других странах (*Ibid.*).

То, что молодежь является важнейшей социальной опорой исламистов, было замечено довольно давно. Еще С. Хантингтон (Huntington 1996: 112–113) писал:

⁷ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

Как и в наиболее революционных движениях, ядро составляют студенты и интеллигенция. В большинстве стран установление фундаменталистами контроля над студенческими союзами и подобными организациями является первой фазой процесса политической исламизации. Потом последовал исламистский «прорыв» в университеты в 1970-е в Египте, Пакистане и Афганистане, который затем распространился на другие мусульманские страны. Ислам был особенно привлекателен для студентов технических институтов, инженерных факультетов и научных отделений. В девяностые в Саудовской Аравии, Алжире и повсюду в других странах «индигенизация второго поколения» проявлялась в виде увеличения доли студентов университетов, которые получали образование на родном языке и поэтому легче поддавались исламистскому влиянию. Исламистам часто удавалось заручиться значительной поддержкой и у женщин. Так, в Турции было налицо четкое разделение между старшим поколением светских женщин и их исламистски ориентированными дочерьми и внучками (Хантингтон 2003: 168).

Таким образом, исламизм имеет мощную социальную базу, выполняет важные функции в обществе, хорошо организован, понятен массам, поддерживается снизу, поэтому в ближайшее время ждать его ослабления не приходится. Важнейшая задача – способствовать его смещению в сторону умеренности, сотрудничества с властью и другими странами, акценту на усиление модернизации. Будем надеяться, что успехи модернизации будут поддерживать процессы уменьшения радикализации исламизма, делать исламистов бóльшими прагматиками.

Однако представляется важным предположить, что с ростом уровня образования и культуры исламизм становится мягче. Так, Д. Ачилов и С. Сен (Achilov, Sen 2017) отмечают, что умеренный исламизм связан с высоким уровнем образования, в отличие от радикального⁸. Рост уровня жизни также может способствовать большей умеренности исламизма, обретению им приемлемых форм (*Ibid.*).

⁸ Вместе с тем необходимо отметить, что связь между уровнем образования и радикализмом достаточно сложна и неоднозначна (см. подробнее: Grinin *et al.* 2018).